

Расседин Станислав

1985

БИБЛИОТЕКА
8-й СТРАНИЦЫ

«СТИХИ
ОТВОДЯТ
ОТ
ПОРТРЕТА»...

Станислав Расседин любит писать о театре, кино, телевидении. Из трех его книг, увидевших свет в последние годы, две — «Круг зрения» и «Испытание зрением», как подчеркивается в названиях, связаны с размышлениями о спектаклях, фильмах, телепрограммах 70—80-х годов. И только одна — «Спутники», посвященная поэтам пушкинского круга, — о словесности. Но эта одна — главная, потому что полнее всего выражает автора: и «единицу» им культурно-исторического материка, по которому он движется со свободой «местного жителя», и его поэтическую эрудицию, и память, и адекватность критического слова, и, наконец, горячую увлеченность предметом исследования. Именно это: поэзия классическая, пушкинская поры.

Стихотворение, роман, драма лишь в редких случаях не переживают инобытия. С книжной или журнальной страницы их поднимают декламаторы, композиторы перекладывают их в романсы, оперы, балеты, живописцы и графики предлагают их плакатические соотвещения. Так происходило задолго до появления кинематографа и тем более телевидения. Художественному слову тесно в его первоначальной форме — на печатной странице, общество ищет коллективных, совместных переживаний.

Расседин пишет, как волновал А. Н. Вертинский со стихами Анны Ахматовой, ему не нравится, как Алла Пугачева поет Шекспира и К. Нулиева, вообще не нравится, что она поет Мандельштама. Однако его не покидает чувство реальности, и он трезво признает, что тут — ничего не поделаешь! — крайности «общей и неизбежной тенденции». В отличие от многих своих собратьев по литературно-критическому цеху Расседин понимает, что нет такой силы, чтобы испортить Пушкина, Шекспира, Блока. Режиссер или актер может обидно испортить свою работу, упустить прекраснейшую возможность. В «Испытании зрением» эти упущенные возможности выявлены в количествах преогромных. Расседин подробно и с доказательствами вычерчивает дистанции расхождений между поэтическим подлинником и его телевизионным слепком, но с наибольшим удовольствием он пишет о счастливых приближениях. Ему нравится Олег Табаков, читающий ершовского «Конька-Горбунка», Михаил Козаков — Тютчева, программы Анатолия Адоскина. Расседину нравятся артисты, погруженные в стихи и не исполняющие роли, не живописующие картины происходящего в тексте, потому что (тут он вспоминает Пушкина):

Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов.

Если где и быть звучащей поэзии, то только на телевидении — такова коренная мысль размышлений Расседина. Состояние человека, уединенно и сосредоточенно глядящегося в окошко телевизора, — идеальная, специфически телевизионная ситуация для восприятия стихов. Даже не идеальная, а идеальная: в зрительском положении автор «Испытания зрением» не предполагает никаких, ни скрытых конфликтов. Конфликтно, глубоко драматично то, что происходит перед камерой за миг, тогда поэтические строки отделяются от книжной страницы и читаются вслух, или, обрета

музыкальное сопровождение, поются, или играют, как текст роли, превращаются в зрелище — спектакль, фильм, балет, телепрограмму.

Да, вырвавшись из плена изначальной тишины, поэтическая строка перестает подчиняться державной власти произнесенной, она обретает очарование гармоничного, музыкального звучания, и это очарование не орнамент, не импульс воздействия на иные, новые эмоциональные области душевного устройства человека, это очарование, осмеливаясь утверждать исполненное прямого смысла. Вот пример.

И. Смоктуновский произвел сильное впечатление на автора книги своим чтением «Медного всадника». Расседина поразило, как в конфликте государственной идеи и индивидуальной правды артист без колебаний, решительно принял сторону маленького человека: «...трагедия Смоктуновского не промашка... она по своему исторична, и это нужно сознать», — написано в книге. И читает Смоктуновский, как никто до него. Это также сознать наш автор. Сознать, удивляется, но не соглашается.

Расседин пренебрегает любыми нелитературными критериями и приемами, актерскую саморемиссуру приравнял и смыслу трагедии и имее исчерпал. Между тем глубоко содержательно то, как произнесен в этой передаче стих. Литой звук, стремительные и протяженные интонационные броски, ошеломляющий богатством обертонов царственный, «ампирный» тембр — в звуковой материи исполнения присутствие Петра, его дел, его города неоспоримо.

Но спор вызывает не только этот фрагмент. Вообще спорность связная особенность этой книги, надо думать, заложенная в ней изначально. В споре продолжается ее жизнь, в споре осуществляется ее практическая работа, в споре можно развить и уточнить привлекательные гипотезы и живые наблюдения, которыми щедро делится с нами Станислав Расседин.

Ирина РУБАНОВА

Литературная газета
г. Москва

7 АВГ 1985